

Так повелось, что о Сереже Колотилове всегда судили по заметкам в выписных эпикризах: «Не позволяет дотрагиваться до себя, вырывается, кричит, нецензурно выражается, игнорирует вопросы о самочувствии. Жалобы: “Оставьте в покое, везите обратно”. Фон настроения неустойчивый, легко аффектируется. Активно мысли о суициде не высказывает. Настороженность в плане побега присутствует».

В детдом Колотиллов попал в день своего рождения, в тринадцать лет. Месяцем ранее его отец убил его мать. Узнав фамилию новосела, детдомовцы встречали его с ехидными ухмылками. В тот же вечер его госпитализировали с переломами ребер; он потрясенно вырывался и обещал всем отомстить. Ребята смеялись в подушки.

Очень быстро Колотиллов понял, как ему не повезло быть воспитанным мамой. Возвращенная на женской любви слабость не давала никаких шансов утвердиться. Драться у него не получалось в принципе. Его били хором и смеялись его жалким потугам сопротивляться. Он призывал к справедливости, но его били даже самые слабые. Те, кто не бил, становились для Колотилова еще большими врагами, так как жалость, понял он, еще хуже слабости. Он проклинал отца уже не за убийство матери, а за то, что тот вовремя не помешал ей сделать из него послушного мальчика. Он понял, что послушание – удел слабых, а слабые не едят.

Первые шесть месяцев он вообще не знал, что такое компот на завтрак и хлеб на обед. Процесс отбирания «колотилловской харчи» был расписан по дням на месяцы вперед. Это оскорбляло даже больше побоев.

Немного погодя он обжился увесистым камнем и сломал два пальца Метису, который в «свой» день потянулся за «своим» компотом. Метис упал, заорал, а Колотиллов, опьяненный неизвестным для него чувством, стоя выпил отвоеванный компот. Столовая притихла, и Колотило-

ву показалось, что так молчат солдаты, ждущие приказа своего полководца. Но это только казалось. Его потом долго били друзья Метиса. Сам Метис обещал отомстить, и отомстил, вернувшись с госпиталя, – Колотиллов хромал потом месяца два.

После компот, хлеб и конфеты по праздникам отбирались исключительно Метисом. Он сделался живым кошмаром для Колотилова. Теперь его били только с разрешения Метиса, а могли и не бить, если Метис не хотел. По привычке Колотиллов пытался сопротивляться, но обжиться новым камнем ему не позволяли. На большее его не хватало.

От частых побоев он стал истеричен и вспыхивал по любому поводу. Однако чувства собственного достоинства выбить из него так никому и не удалось. От бессилия что-либо изменить Колотиллов прыгал первым, наперед зная, что его сейчас скрутят, повалят и изобьют. Так и было. И не было здесь места потаенному уважению к проигравшему и прочей ерунды, которую показывали в фильмах по выходным. Когда его, избитого и стонущего, поднимали санитары, он всегда вырывался.

Он терпеть не мог, если его задерживали в госпитале. Там, в белых комнатах с большими окнами, где работали некрасивые, но добрые женщины и никто не отбирал еды, слабость Колотилова приобретала объем и не давала дышать. Ему казалось, что покой и уют делают его еще слабее и беззащитнее, чем он есть, а значит, для детдомовцев он вообще теряет всякие права на существование.

Уют госпиталя всегда заканчивался одним и тем же: Колотиллов просился назад, его не выписывали, и он убегал. Его ловили, сажали на лекарства, но побег вскоре повторялся. Его ловили опять, но он опять пытался бежать. И продолжалось так до тех пор, пока справка не была готова.

К пятнадцати годам он стал расторопнее и обзавелся гвоздем. Гвоздь был оцинкованный, в двенадцать сантиметров. Несколько дней Колотиллов искал детали для рукояти, чтобы сделать шило, но вовремя понял, что это будет слишком громоздко для него – обязательно заметят и отберут.

Конечно, можно было расплющить гвоздь на рельсах и сделать нож, но побеги, даже временные, у Колотилова не получались. Так что гвоздь решено было прятать в носке. Твердая шляпка до крови натирала щиколотку, и Колотилу приходилось переключать гвоздь в соседний носок, пока кровь не выступит и там. Так и чередовал: одна нога страдает, другая – заживает.

Впрочем, ничего существенного с появлением гвоздя в его жизни не поменялось. Побои и унижения продолжались, и конца им видно не было. Конечно, он научился смотреть обидчикам в глаза и выкрикивать правильные слова, но это было обыкновенным привыканием. Ощущения того, что у него есть козырь в рукаве, он не испытывал. Когда было нужно, о гвозде не вспоминалось, и Колотиллов ловил себя на мысли – не вспоминалось из страха. Потому что не мог он просто взять и ударить. Одно дело бить человека камнем и другое – протыкать гвоздем. Он корил себя на ровном месте и презирал за еще не существующее поражение.

И все-таки мысль о том, что когда-нибудь он себя переборет, грела ему душу. Оставаясь один, он вытаскивал гвоздь из носка и упражнялся в ударах. Представить цель было нетрудно: Метис, рослый, толстый, синеглазый, с оттопыренной нижней губой. Трудно было другое – уверить себя в том, что все получится. Тонкие ручки и слабые пальцы только подтверждали эту неуверенность. Нужно быть слепым паралитиком, чтобы позволить мне ударить, думал он.

Но несмотря на такой настрой, однажды начав, больше он не останавливался. Он доводил себя до такого состояния, что гвоздь выскальзывал из потной ладони и гремел о стенку. В такие моменты Колотиллов улыбался, считая это личным достижением.

Чуть позже он додумался считать удары, и дело пошло веселее. Теперь можно было вести учет и увеличивать нагрузки, если прежние уже не годились. Начинал он с двадцати ударов за раз. Потом дошел до тридцати пяти. А через месяц мог делать все восемьдесят. Восемьдесят

ударов стало нормой. Он повторял их три-четыре раза, а если рука не болела, мог довести себя до шести повторов, но это был предел. Со временем пределом стало и сто семь ударов за раз. Он проделывал их на свежую руку или перед сном в туалете, и с каждым днем все больше удовлетворялся скоростью их нанесения. «Стосемки» стали предметом его гордости, и он очень жалел, что никому не может похвастаться ими.

Были дни, когда ударная рука немела и отказывалась что-либо делать. Тогда Колотиллов устраивал перерыв и занимался теорией. Расспрашивать кого-либо было опасно, так что он ограничивался подслушиванием – семнадцатилетние ребята частенько хвастались своими знаниями. Вскоре он понял, что, как и везде, тут все довольно просто, главное – включить воображение. А этого у него всегда хватало. Можно было смело закрывать глаза и придумывать сотни вариантов расправы. С поправкой на подслушанные знания, большая часть отвергалась, но многое шло на заметку. В глаз – противно, со спины – низко (да и куда там бить?), в голове – кости толстые, ниже живота – только покалечу, а нужно обязательно убить... Почему-то он сразу решил, что только смертью что-то докажет. Варианты крутились в голове, бубнились под нос и вскоре стали наваждением. Многое ему снилось. Поначалу Колотиллов пугался таких снов, но потом привык и увлекся. Теперь по утрам его приходилось бить подушкой, чтобы разбудить.

Через полгода с того дня, как «стосемки» стали нормой, он точно знал, как все случится: удар будет нанесен в шею, ближе к уху, туда легко и наверняка. Главное, чтобы Метис не успел подставить руку. А значит, нужно просто наращивать скорость. И он наращивал. Изо дня в день он отрабатывал один и тот же удар – снизу вбок, и удивлялся, видя, как это легко – просто быть способным.

Наверное, тогда Колотиллов и решил, что все-таки будет бить. Это пришло так же легко, как и все остальное. Больше он не нервничал, представляя Метиса после удара, и совсем не боялся реакции его дружков – гвоздь-то останется в руке, а рука способна будет нанести еще сто шесть ударов.

А еще он помнил компот. Тогда было непонятно, но он знал: компот был грушевый с клюквенным вареньем и шиповником. Ему так и не довелось попробовать такого снова, а очень хотелось. За право выпить его без опаски стоило рискнуть.

Теперь, когда Колотилова били, он берег правую руку. Он больше не орал проклятья, а просто молча дожидался, когда все устанут и разойдутся. Некоторых это даже пугало. Поначалу ребята посообразительней отходили в сторонку, но при следующей потасовке били Колотилова чуть ли не сильнее самого Метиса. Колотиллов все терпел; мысль о том, что скоро все случится, помогала ему оставаться спокойным.

Потом он вдруг начал ловить в отражении совершенно чужое лицо. Парень в зеркале равнодушно ухмылялся даже когда был один. Это пугало и настораживало. Колотиллов понимал, что выдает себя с головой, но все же не мог налюбоваться. Вот что значит быть кем-то, думал он. Все чаще и чаще он ловил себя на том, что будь он на месте Метиса, то был бы таким же. Это естественно и обязательно, уверял парень в отражении. Как дыхание. Как боль от удара. Можно жалеть и понимать того, кого бьешь, но не бить – значит отдавать это право кому-нибудь другому. А другой никого жалеть не будет...

Тогда-то Колотиллов и подумал, что, может быть, Метис не такая уж сволочь, каким кажется. Может, он действительно жалеет и является просто жертвой своего статуса?.. Но такие размышления Колотиллов обрывал. Нельзя было так думать. Именно это, понял он, и заставляет забывать о гвозде, когда нужно. А он чувствовал, что уже готов все сделать. Метис вдоволь наглумился, а он вдоволь натерпелся. Оставалось последнее – сделать рывок и насладиться победой.

Этот день был на его шестнадцатилетие. Вечером перед сном должно было случиться традиционное избивание, а пока на завтрак ребята радостно отпускали Колотиллову многообещающие подзатыльники. Уткнувшись в миску, он жевал утреннюю перловку и даже не замечал ударов.

Краешки губ его были приподняты. Он был уверен, что все это в последний раз. Подтверждением тому был стакан компота на краю подноса – солнечный зайчик играл на мутной грани и, казалось, ободряюще подмигивал Колотилову. Стакан вот-вот должны были взять. Метис всегда делал это напоказ. Колотилов же был приучен не дотрагиваться до стакана.

Но в то утро компота Метису не хотелось. За стаканом потянулся его дружок и очень удивился, когда Колотилов стукнул его по пальцам ладонью.

– Обойдешься! – с вызовом сказал Колотилов и продолжил есть кашу.

Дружок Метиса с непонимающим видом сел напротив. – Ты чё? – Его голос пугал своей прокуренностью, но Колотилов знал, что за этим ничего не стоит – бить этот парень совсем не умел.

– Метису надо, пусть подходит и забирает! – заявил Колотилов пренебрежительно.

У дружка Метиса отвисла челюсть. Такого Колотилова он еще не знал.

– Я – беру, – сказал он с расстановкой и снова потянулся за стаканом.

Но Колотилов и тут опередил его – дернул стакан на себя, отчего треть компота расплескалась по подносу.

– А ты чё, подачками питаешься? – процедил он злобно. – Только если Метис не будет, да?

Это дружка Метиса разозлило. Он еще не знал, как ему поступать, но предугадать, что будет дальше, было несложно. Вопрос стоял в другом: решится ли он бить Колотилова прямо сейчас или будет ждать вечера... Но нет, этот был не из тех. Колотилов давно вычислил таких. Они лишь поддакивали главарям, но сами всегда стояли за их спинами. Таких он перестал бояться очень давно.

– Падальщик, – добавил Колотилов с издевкой.

У того покраснели щеки.

Что-то подсказывало Колотилову, что сейчас нужно непременно вот так вот в лицо выпить свой компот и утереть с вызовом подбородок, а потом будь что будет. Но

он также знал, что стакан непременно выбьют с рук, а это больно и жалко. Одно он решил точно: компот «падальщику» он не отдаст.

Метис, сидевший через несколько столов, уже начал поглядывать в их сторону, но Колотилов не волновался. Он небрежно толкнул одного отчаянного рубаку за соседним столом и, прежде чем получить подзатыльник, протянул ему свой компот.

– Держи.

Рубака смягчился и принял стакан. Колотилов ликовал, наблюдая кислую рожу «падальщика». Теперь можно было и получить. Но тут рубака перехватил недовольный взгляд Метиса, который что-то ему показывал, и нехотя протянул стакан обратно – только не Колотилову, а «падальщику».

Это был проигрыш. Колотилову вновь показали его место. Он покорно уселся на лавку... Но тут же вскочил и, рыча от несправедливости, толкнул «падальщика» в грудь. Компот расплескался по полу мутной ароматной кляксой. «Падальщик» застыл в удивлении. Колотилов молча сжал кулаки, уставившись на врага остекленевшими глазами. Говорить уже не получалось – язык прилип к небу. Вдобавок что-то твердое и противное где-то в горле, а может, и в груди – было непонятно – мешало дышать. Колотилов задыхался.

Его обступили довольные сытые рожи, и Метис был среди них.

– До вечера не мог подождать, что ли? – Голос Метиса звучал донельзя заботливо. – Подарок-то в спальне.

Хихиканье оглушило Колотилова. Не понимая, он сделал шаг назад и вытащил свое оружие. Вот он, промелькнуло в голове. Вот он я! Взрыв радости на миг захлестнул его.

– Назад!

– О-о! – зашумели рожи.

– Назад! – повторил Колотилов охрипшим от страха голосом.

– Смотри-ка, Метис, взрослеет твой сынок, – уважительно проговорил давешний рубака.

– Баловство, – обронил Метис, бесстрастно улыбаясь. От этой улыбки Колотилову хотелось плакать.

– Назад, назад! Прибью! – лепетал он, чувствуя, как слезы застилают глаза. Взрыва радости как не бывало. Обыкновенная вспышка, которой и след простыл.

– Не ударит, – сказал Метис уверенно. – Мелочь пузатая, – и сплюнул.

– Прибью, суки! – твердил Колотилов.

– Спорим, ударит? – сказал давешний рубака.

– Не-е, не ударит, – сказал Метис. – Я сына знаю.

– Ударит, ударит, – сказал еще кто-то. – Ты посмотри на него. Рр-ры!

Все захохотали. Колотилов дернулся, будто на него уже набросились. Но рожи оставались на местах.

– Так споришь или нет? – спросил рубака.

– Обоссется, – сказал кто-то. – Помните, как он в штаны ссал?

– Заткнись! – крикнул Колотилов.

– Не ударит, – сказал Метис и протянул руку, молча требуя, чтобы Колотил вложил в нее гвоздь.

Колотилов в отчаянии замотал головой.

– Нет, давай поспорим, – настаивал рубака.

– Ладно, – лениво сказал Метис. – Спорим. На чё?

– Две пачки.

– Две? – переспросил Метис. – Сынок стоит больше.

Три.

Рубака задумался.

– А если ты подговорил его не бить? – предположил он.

– Мы спорим или нет? – спросил Метис нетерпеливо.

Еще некоторое время рубака думал. Потом он помахал Колотилкову рукой, обращая на себя внимание, и сказал:

– Малой, куришь? Дам две сигареты, если ударишь. И тебя больше никто не будет трогать, обещаю.

– Э, э, э! – запротестовал Метис. – Мы так не договаривались! Ты его подговариваешь!

– Это ты его подговариваешь! – сказал рубака.

Метис возмутился.

– Я-а?! Да я даже не знал, что он гвоздь носит! Откуда у тебя гвоздь? – строго спросил он у Колотилова.

Но Колотилов уже ничего не мог. Такая реакция на его потуги сопротивляться подкосила его. Он дрожал от

холодного пота, выступившего на спине, и ничего не видел из-за горячих слез.

– Сейчас захнычет, – мяукнул кто-то.

– Прочь! – не своим голосом заорал Колотилов. Он вдруг понял, что если потянуть время, в столовую войдет воспитатель, или повар, или уборщица, или еще кто-нибудь, – и все закончится. Нужно лишь вытерпеть, не сдаться, сохранить лицо. Или хотя бы его остатки.

– Ладно, давай! – махнул рукой рубака. – Три пачки!.. Малой, смотри, на тебя ставлю, – добавил он Колотилову.

Метис скрутил губы трубочкой, обдумывая, затем сказал:

– Давай!

Они обменялись рукопожатиями, и Метис толкнул на Колотилова «падальщика»: разбирайся, мол. «Падальщик» оказался очень близко, стоило Колотилову рвануться немного вперед и сделать свой удар – все было бы кончено. Но нет, он дал противнику отойти. В голове намертво засело, что бить нужно Метиса и только его.

– Мне оно надо? – спросил «падальщик» у толпы, снова подставляя себя под удар.

– Одна пачка, – отозвался Метис.

– Малова-ато, – протянул «падальщик».

– Прокурор добавит, – пообещал Метис.

Все засмеялись. Колотилов угрожающе дернул гвоздем, и «падальщик» отступил окончательно.

– Все, я выиграл! – обрадованно заявил рубака.

– Э, э! Мы так не договаривались! – возмутился Метис.

– Давайте быстрее, – сказал кто-то. – Шас набегут.

– Лезь тогда сам, – предложил Метис рубаке.

– Ага! И чем я буду выигрыш курить, если вдарит? – осведомился рубака.

Опять хохот. Колотилов непроизвольно дернулся, и все, наконец, поняли, насколько он напуган. Метис уверенно шагнул навстречу выставленному гвоздю и протянул руку.

– Так и быть, сына, – сказал он доброжелательно. – За три пачки прощаю. Дай сюда.

Толпа притихла. Те, кто не вмешивался, тоже заткнулись.

Вот оно, пронеслось в голове Колотилова. Он готов был поклясться, были люди в столовой, убежденные в том, что удар будет нанесен. Ведь так просто представить. Метис не такой проворный. Протянуть, отдавая, руку пониже, а затем – раз! И отскочить. И еще сто шесть ударов! А может, и меньше. Может, рубака всех остановит. Обещает ведь что-то. Лучше уж под ним...

– Дай! – сказал Метис требовательней.

Это был прямой хлесткий приказ сильного. Рука с гвоздем непроизвольно расслабилась и потянулась в сторону раскрытой ладони. Как можно ниже, чтобы не успел, думалось скороговоркой. Вот ненавистная шея оказалась открытой, теперь рывок и... нет, не буду. Гвоздь оказался у Метиса. Глаза Колотилова последний раз блеснули ненавистью, затем он уронил лицо в потные ладони и беззвучно зарыдал.

Толпа разочаровано загомонила, рубака выругался, а Метис по-отцовски потрепал Колотилова по голове и сказал на ухо:

– Завтра с меня компот.

– Ненавижу, – прошептал Колотиллов.

Но Метис услышал. Он взял Колотилова за ухо и притянул к себе. Колотиллов вырвался.

– Ненавижу, – повторил он громче, сквозь слезы.

Метис равнодушно поманил его пальцем, но Колотиллов сорвался с места и выбежал из столовой.

Он понимал, что убежать нельзя, что будет только хуже, но по-другому не получалось. Ему было физически больно от обиды за свою слабость. Теперь он точно знал: мир создан не по его меркам, вокруг одна враждебность, и нет ничего, кроме враждебности, и если хочешь перестать бояться этой враждебности, нужно самому сделаться враждебным. А на это он не был способен.

За спиной слышались голоса. Метис и еще несколько парней неспешно шли следом. Кто-то из них ласково звал Колотилова по имени, но Колотиллов не поворачивался. В

конец коридора была лестница и рядом – вход в сортир. Быть избитым в сортире было низко даже сейчас, и Колотилов выбрал лестницу. Он побежал вверх сразу через три ступеньки и очень быстро оказался на третьем этаже. Обе двери в спальни оказались заперты на замки, а значит, спешить было некуда. Колотилов устало опустил на холодный линолеум и привалился спиной к перилам. Нужно было хотя бы отдышаться.

Напротив стоял шкаф с полками, на полках – кипы пыльных журналов и пластилиновые фигурки. Прислушиваясь к голосам внизу, Колотилов искал свою фигурку, которую когда-то лепил. Ему понадобилось время, чтобы вспомнить, что это был охотник с тушей медведя на плечах.

Внизу скрипнули дверьми – это Метис с друзьями зашли проверять сортир.

Колотилов вспомнил, как его ругала воспитательница, доказывая, что человек не может взвалить на спину целого медведя, а он спорил, что может, что сам видел, хотя на самом деле видел всего лишь рисунок в книжке. Потом, когда воспитательница ушла, фигурку у него отобрали, и больше он ее не видел...

– Три пачки! – слышалось снизу восхищенное.

Колотилов просунул голову между перилами и увидел Метиса. Расстояние между лестничными пролетами было порядочное, и Метис был как на ладони. Он стоял, широко расставив ноги, лицом к трем собеседникам, и хвалил Колотилова. На третий этаж долетали обрывки фраз: «Нет... Ударил бы... Я б ему ударил... Кишка тонка... Но молодец...»

Колотилов отвернулся и судорожно перевел дух. Фигурка охотника с тушей медведя никак не выходила из головы. Посидев немного без движения, он вдруг встал и, утирая сопли, приблизился к шкафу. «Сорок семь килограмм плюс...» – зашептали губы. На глаза попала фигурка с мечом – кто-то пытался сделать римского легионера. Неправильно было все, вплоть до шлема и формы меча. Колотилов взял фигурку и сунул в карман. «Сорок семь килограмм плюс...» Затем в карман последовал всадник на

бегемоте, из копыт которого торчал проволочный каркас. Колотиллов вспомнил, что для его охотника с медведем проволоки не хватило, но и без нее охотник прочно стоял на деревянной подставке. Жаль, что отобрали. «Сорок семь килограмм плюс...» – шептали губы. Фигурка в широкополой шляпе рук какого-то неумехи тоже последовала в карман. Динозавр с ветвистым хвостом. Лошадь, якобы щипающая траву. Девушка с ведрами, больше похожими на бревна. Все фигурки были болотно-зеленого цвета, потому что другого пластилина у детдомовцев не имелось. От воспоминаний, что когда-то дома у него была упаковка разноцветного пластилина, Колотиллов заплакал.

Когда карманы переполнились, он заправил майку в штаны и стал совать фигурки за пазуху. Они оседали у пуза и приятно холодили кожу. «Сорок... сорок...» – слезы мешали говорить, он замолчал и теперь просто беззвучно хныкал. Вскоре на шкафу не осталось фигурок, и Колотиллов направился обратно к перилам. Метис все так же стоял внизу, никуда особо не спеша. Обрывки фраз, долетавшие оттуда, почему-то стали неразборчивы. «Я вам покажу», – шептал Колотиллов, перелезая через перила. Пластилиновые фигурки под майкой очень мешали. Со второй попытки у него получилось. Теперь он стоял прямо над Метисом, громко и неуклюже сопя. Один шаг – и всё, главное – ни за что не зацепиться. «Я вам покажу...» Нужно было выждать немного времени, чтобы решиться, но вдруг вспомнив, что все уже давно решено, он прыгнул так, не решаясь и не дожидаясь.